

18 человек. Несомненно, что это была совместная акция соседей-односельчан, получивших потому в лемме документа собирательное обозначение «амадзониты».

Итак, природу общежития односельчан в большой мере предопределяло, как представляется, исконное выражение психологической общности. О ее возникновении и существовании в среде локально сформированных групп обитателей византийской деревни наряду с разнообразными данными ономастики и антропонимики крестьянского населения свидетельствует широкое распространение собирательных названий жителей отдельных сел и словесные формы их волеизъявления в общественных процедурах и акциях.

А.Ю. Виноградов, А.С. Добычина

ЭРИНИИ И ВАКХАНКИ: КТО СТОЯЛ У ИСТОКОВ НОВОЙ БОЛГАРСКОЙ ОБЩНОСТИ В 1185–1186 гг.?

Образование в конце XII в. новой болгарской общности – так называемого Второго Болгарского царства – после более чем 150-летнего византийского господства, равно как и начальный эпизод этого процесса – антивизантийское восстание 1185–1186 гг. под предводительством братьев Феодора-Петра и Асеня-Белгуна (Ивана Асеня I), неоднократно становилось предметом исследования в мировой исторической науке. Обращаясь к этой проблематике, историки не могли обойти вниманием единственный источник о начале этого восстания – «Историю» Никиты Хониата (Choniata 1975. P. 371). Приступая к рассказу о зарождении восстания, Хониат описывает неких прорицателей, призывавших к войне с «ромеями». Повествование Хониата дает понять, что последующие решительные действия восставших болгар во многом объяснялись впечатлением от того устрашающего действия, которое было разыграно этими «бесноватыми»: их «исступления», экзальтации, одержимости «Пифоновым духом» (Ibid. P. 371).

Неудивительно, что столь красочное описание «бесноватых» византийским автором дало основание исследователям выдви-

гать самые разные версии о том, кем могли быть эти люди. Так, в болгарской историографии рассказ Хониата рассматривается преимущественно как язвительная реакция византийцев на восстание болгар (например: Гюзелев 2006. С. 38; Николов 2006. С. 609). Подобное понимание рассказа Хониата о событиях в Тырново в 1185–1186 гг. разделяли и отечественные ученые от Ф.И. Успенского до Г.Г. Литаврина. Стоит отметить, что Литаврин, первоначально усматривая в «бесноватых», описанных Хониатом, «специально подобранных “юродивых”» (Литаврин 1960. С. 435, 443), в дальнейшем представлял их просто как «сподвижников братьев» (Литаврин 1999. С. 367).

Но некоторые исследователи все же пытались увидеть в рассказе Хониата отражение совершенно конкретных событий, переданных историком в столь специфической форме. Так, болгарский историк В. Златарский полагал, что в тексте описаны подлинные бесноватые – «разные эпилептики и полупомешанные» (Златарски 1934. С. 431). Целый ряд авторов рассматривает «бесноватых» как «страшноватых медиумов», аналогов «некоторых русских “похабов” более позднего периода» (Иванов 2005. С. 236), «волхвов» (Калоянов 1995. С. 113), «влашских шаманов» (Fine 1987. P. 13), и даже ставит вопрос об их тождестве с нестинариями (Malingoudis 1980. S. 110–112).

Однако, пытаясь реконструировать историческую реальность, исследователи, как кажется, слишком прямолинейно подходили к сложному тексту Никиты, сотканному из многочисленных цитат, аллюзий и реминисценций. Разберем ключевой для нас пассаж с описанием тех, кто призывал к восстанию, с филологической точки зрения: «τῶν δαιμονολήπτων συνηθοικότες ἐξ ἐκατέρου γένους, αἰμωποὺς καὶ διαστρόφους τὰς κόρας, λυσιχαίτους» (Choniata 1975. P. 371). Кого же собрали (συνηθοικότες) Феодор-Петр и Иван Асени в тырновском храме св. Димитрия?

Во-первых, эти люди были из τῶν δαιμονολήπτων, буквально «одержимых бесом». Это слово четырежды встречается у Никиты Хониата, но только у него, и, очевидно, изобретено им самим. В *Orationes* (8: 79) он использует его как синоним слова μαινόμενοι «безумствующие, неистовствующие» («Τοιοῦτοις δὲ σχήμασι καὶ ὄρμαϊς κέχρηται πολλάκις καὶ οἱ μαινόμενοι τε καὶ δαιμονόληπτοι». – Choniata 1972. P. 79), описывая привычку та-

ких людей говорить с собеседником, не глядя на того двумя глазами, а косясь (одним глазом?) наверх («κάκεινοι γὰρ ἐν τῷ διαλέγεσθαι οὐκ ἰθυτενῶς τὰς τῶν ὀμμάτων βολὰς καὶ ὡς πρὸς ἓνα τείνειν ἔχοντες διὰ τὸ μὴ διαφᾶς τῆς ὄψεως καὶ διάστροφον ἄνω ἐς ὀροφὴν εὐόκασιν ἀφορᾶν». – Ibid. P. 78).

Но для нашей истории намного важнее, что это определение Никита дважды прилагает к Феодору-Петру: в *Orationes* (1: 5) он, «одержимый бесом, как Люцифер, хвастался, что установит свой трон на высоких горах на севере» («κατὰ τὸν Ἑωσφόρον ὁ δαίμονόληπτος θήσειν τὸν θρόνον ἐκόμψασεν ἐπὶ τὰ ὄρη τὰ ὑψηλὰ τὰ πρὸς βορρᾶν». – Ibid. P. 5); в *Orationes* (2: 7) «поистине одержимый бесом Петр, подражает сродственному себе бесу» («ὁ γὰρ δαίμονόληπτος τῷ ὄντι Πέτρος... τὸν σύνοικον αὐτῷ μιμεῖται δαίμονα». – Ibid. P. 7). В обоих этих случаях описываются действия Феодора-Петра в ходе интересующего нас восстания – очевидно, что эпитет δαίμονόληπτος Никита применяет не только к людям, ведущим себя как бесноватые, но и к тем, кто в своих поступках движим демоном. В связи с этим возникает вопрос о том, кого имеет в виду под «одержимыми бесами» Никита в нашем случае: действительно бесноватых или просто всех восставших, которых, как и Феодора-Петра, бес побуждает восстать против императора.

Во-вторых, Феодор-Петр и Иван Асени собрали их «ἐξ ἐκατέρου γένους». Формально это выражение можно переводить и как «от обоих полов», и как «из обоих народов». Однако, несомненно, верен второй перевод, потому что такое выражение встречается у Никиты еще дважды, и оба раза обозначает «оба народа». В «Истории» (85) под словами «ἐκατέρων... τῶν γενῶν» подразумеваются ромеи и венецианцы (Choniata 1975. P. 85); в «Истории» (618) под словами «γένη διττά, πῆ μὲν ἐκάτερα» – скифы (т.е. половцы) и латиняне (Ibid. P. 618). Таким образом, очевидно, что в нашем случае собранные вождями восстания люди были из обоих народов, т.е. из болгар и влахов.

Слово λυσίχαιτους (букв. «простоволосых, с распущенными волосами») – также *hapax legomenon* и, по всей видимости, тоже изобретено самим Никитой. Этимология этого слова, созданного по образцу λυσίτριξ «простоволосый», применяющегося обычно по отношению к женщинам, прозрачна: λύω «распускать» + χαιτή «волосы, грива». Такое словосочетание могло быть заимствовано

Никитой у Нонна Панополитанского, употребляющего его дважды («Подвиги Диониса», 6: 8: «αὐχενίης λύσσασα καθειμένα βόστρυχα χαίτης»; 26: 201 «Βάκχης νηχομένης ἑλικώδεας ἔκλυσε χαίτας»), причем во втором случае оно применено, опять же, именно к вакханке (ср. выше). Более того, это новообразование уникально, скорее всего, потому, что плеонастично, т.к. слово χαίτη и означает распущенные волосы.

Наконец, обратимся к самым загадочным словам Никиты – «αἰματοῦς καὶ διαστρόφους τὰς κόρας». Уже издатель текста К. де Боор, судя по его латинскому переводу, верно понял это выражение как «с налитыми кровью и блуждающими зрачками». Однако никто из ученых не опознал (по крайней мере, эксплицитно) в «διαστρόφους τὰς κόρας» цитату из любимого Никитой Еврипида, а именно из «Вакханок» (1122–1123), где так описана находящаяся в вакхическом безумии Агава («διαστρόφους κόρας ἑλίσσοισ'», букв. «вращая блуждающими зрачками»). Выше мы видели, что тем же словом διάστροφον Никита в другом месте описывает взгляд «τῶν δαίμωνολήπτων». Соответственно, эпитет αἰματοῦς (букв. «кровавый на вид») понимается в отношении зрачков как «налитые кровью», хотя, конечно, кровью наливаются белки глаз, а не зрачки (ср. у того же Еврипида: Фрагменты 870: «δράκοντος αἰματοῦτον ὄμμα», «налитый кровью глаз змеиный»).

Однако еще важнее оказывается другая отсылка, также не опознанная исследователями: в «αἰματοῦς... τὰς κόρας» мы видим цитату из того же драматурга, а именно из «Ореста» (256). Там герой просит мать убрать от него «τὰς αἰματοῦς καὶ δρακοντώδεις κόρας» («покрытых кровью и змеевидных дев»), под которыми подразумеваются эринии (фурии). Итак, здесь Никита обыгрывает два значения слова κόρα: «дева» и «зрачок», остроумно комбинируя две цитаты из Еврипида с разными смыслами этого слова и соединяя образы вакханок и эриний-фурий.

Но тогда мы неизбежно вынуждены вернуться к основному нашему вопросу: а может ли этот пассаж быть описанием какой-либо социальной группы в средневековой Болгарии 1185–1186 г.? Вся эта картина вакханок и фурий напоминает античный топос выглядящих необычным образом женщин, призывающих своих мужчин на борьбу с врагами (см., например, Николай Дамасский. История фр. 75 (66), 43–44; Полиен. Стратегемы 7, 45, 2; Плутарх.

О женских добродетелях 241В, 246А). Таким образом, описание призывающих болгар и владов к борьбе людей как вакханок и эриний, выполненное при помощи образов античной драмы, носит, очевидно, чисто литературный характер и вряд ли может использоваться в целях точной реконструкции исторических реалий.

Источники и литература

- Литаврин Г.Г.* Болгария и Византия в XI–XII вв. М., 1960.
- Литаврин Г.Г.* Византия и славяне. СПб., 1999.
- Гюзелев В.* Чудотворна икона на св. Димитър Солунски в Търново през 1185–1186 г. // Любен Прашков – реставратор и изкуствовед. София, 2006. С. 36–39.
- Златарски В.* История на българската държава през Средните векове. София, 1934. Т. 2.
- Калоянов А.* Българското шаманство. София, 1995.
- Николов Г.* Българите и Византийската империя (август–ноември 1185 г.) // Тангра. София, 2006. С. 597–617.
- Fine J.V.A.* The Late Medieval Balkans. A Critical Survey from the Late Twelfth Century to the Ottoman Conquest. Ann Arbor, 1987.
- Malingoudis Ph.* Die Nachrichten des Niketas Choniates über die Entstehung des Zweiten Bulgarischen Staates // Byzantina. Thessaloniki, 1980. Т. 10. S. 49–148.
- Nicetae Choniatae historia, pars prior / Ed. J. van Dieten. В., 1975. (Corpus Fontium Historiae Byzantinae. Series Berolinensis; 11.1).
- Nicetae Choniatae orationes et epistulae / Ed. J. van Dieten. В., 1972. (Corpus Fontium Historiae Byzantinae. Series Berolinensis; 3).

П.И. Гайденко

ОБ ИЗМЕНЕНИИ ВНУТРИЦЕРКОВНОГО ПОЛОЖЕНИЯ ДРЕВНЕРУССКОГО МОНАШЕСТВА ПОСЛЕ УСТАНОВЛЕНИЯ ОРДЫНСКОГО ГОСПОДСТВА

Положение представителей церковной иерархии и монашества в общественной структуре Руси изучены не всесторонне. Посвященные церкви исследования в определенной мере осветили общественное и каноническо-правовое положение епископата (Фомина 2014). Хорошо прослежены общие связи духовенства с дружиной, княжескими интересами и городами (Щапов 1989; Клосс 2003; Мусин 2006; Янин 2008. С. 164–176). В результате